

Евгений КЛЮЕВ

Не хотите ли авокадо, друг мой?

Окончание. Начало см. в "ЭС" № 30, 31.

ЛЕНА. Ну, сейчас... Было очень жарко – как на юге. И Леша спросил – просто так – шутки ради: "Не хотите ли авокадо, мой друг?". И все закрутилось, закрутилось – от этой фразы ужасной все закрутилось! Вот ты, ты же не знаешь точно, что такое авокадо?

ОЛЬГА. Ну... ты же сказала... это...
ЛЕНА. Вот-вот! И никто не знает! А в словарях ничего нет, то есть – так, кое-что, но все равно непонятно, что это! Теперь понимаешь?

ОЛЬГА. Нет.
ЛЕНА. Да еще рано понимать, еще пока нечего понимать. Надо пока понять, что в словарях все непонятно. И никто из знакомых не знал, но это я потом выяснила. А тогда Леша только произнес: "Не хотите ли авокадо, мой друг?" – и во мне сразу началась тоска, такая сильная! Я сначала даже и не поняла: что – тоска, почему – тоска, а потом... Потом я все поняла, но тоска осталась!

ОЛЬГА. Что ты потом поняла?
ЛЕНА. Все поняла! Решительно все. Вот... знаешь... (бросается к сумочке, достает оттуда маленькую книжечку)... я эти все дни последние у Машки ночевала, ну, ты ее не знаешь, не в ней дело. Вот в этой книжечке дело! (Ольга протягивает руку к книжечке). Нет, она по-английски, ты не поймешь, я сама тебе сейчас прочитаю (быстро листает книжечку). Она называется "Как исключительно ленивому человеку сделать себя красивым всего за шесть недель", это один англичанин написал, его зовут Рэнди Блаун.

ОЛЬГА. Господи, тебе-то это зачем – красивой за шесть недель?

ЛЕНА. Да нет, просто тут есть про авокадо. Вот, нашла: вид диеты такой, на день. Пять миндальных орешков, кусочек бекона и одна восьмая часть авокадо. Это издано в Лондоне. Там есть авокадо. И оно, наверное, очень большое, авокадо, если только одну восьмую часть можно – целое нельзя! Понимаешь, всего одну восьмую: какое же оно должно быть! От другого чего-нибудь отрежь одну восьмую – и уже ничего не останется, а тут еще остается – сколько? – семь восьмых!

ОЛЬГА. От чего угодно останется семь восьмых, если одну восьмую отрезать, математик!

ЛЕНА. Да это неважно, неважно! Я о другом, я же совсем о другом, о том, что я поняла, когда подумала. Я поняла, почему тоска наступила, почему она наступает у человека вообще! Просто авокадо – это совсем-совсем другая жизнь, это – как космос. Как космос, куда я-то уж точно не полечу никогда! Той жизни, с авокадо, у меня не будет. Будет эта жизнь – плохая ли, хорошая, все равно – дело не в этом. Дело в другом: человек тоскует о далеком! О далеком, о не своем! Когда можно это потрогать – не то чтобы один раз или два, или десять! – или попробовать, нет, когда – каждый день видеть это перед глазами, жить с этим. А я родилась – тут, у меня жизнь – моя. Я говорила Лешке, он не понял.

ОЛЬГА. И я не понимаю. (С недоумением). Ты – что? Ты хотела бы родиться не тут?

ЛЕНА. Да нет же! Я... Ну, не знаю, как объяснить! (С отчаянием). Вот и ты тоже не понимаешь меня!

ОЛЬГА. Но я хочу понять. Хочу!
ЛЕНА. Тогда – вот, послушай. Помнишь, мы с тобой были маленькие – помнишь, ведь были?

ОЛЬГА. Были, конечно. Помню.
ЛЕНА. И вот! Помнишь еще – была такая открытка у нас, то есть у тебя была, а я ее очень хотела. Там красавица и розы, помнишь?

ОЛЬГА. Помню. Только я не знала, что ты хотела... так. Я бы отдала.

ЛЕНА. Нет-нет! Не надо было отдавать: она бы стала моя, а так она же была – далекая! Вот в чем дело: открытка далекая была, красавица и розы вокруг. Это, как я теперь понимаю, плохого вкуса и все такое... Но тогда! Тогда я страдала оттого, что открытка у тебя, а не у меня... И...

ОЛЬГА. (перебивая, горячо). Но я бы отдала! Почему...

ЛЕНА. Оль, да не мучь меня! Это не то совсем. Не то это – отдать, не отдать. Ты слушай! Я страдала, что открытка у тебя (усмехается), отец еще тогда с нами жил, и столько всяких игрушек было, и все вообще было, – было! – а я страдала по открытке. Мне казалось, будь она у меня, я была бы такая же, как та красавица старинная, понимаешь? Я даже тебя к ней ревновала и д-о-о-олго считала, что ты на ту красавицу похожа во всем – и как смотришь, и как причесана, и как одета, а я – нет. И д-о-о-олго перед зеркалом стояла и делала себе вот тут и вот тут... такие локоны – ну, как будто локоны, локоны-то не из чего делать было. И все смотрела, смотрела, смотрела: становлюсь я похожа на ту красавицу и на тебя или нет. И мне начинало казаться, что

вот только розы еще – и все, и я буду похожа. А потом я вглядывалась или ты открытку доставала – у тебя такая коробочка, для открыток – и я понимала, что в зеркале – это я, а не она, и что ничего, совсем ничего общего у меня с ней нет, и что она умерла уже давно, понимаешь?

ОЛЬГА. (задумчиво). Понимаю... Но об этом обо всем нельзя было думать. И вообще нельзя думать. Это мучительно.

ЛЕНА. (не слушая). И я все думала, думала: вот я вырасту, я завью себе такие же локоны – мама уже не будет ругать меня, я ведь стану взрослой, и я куплю много-много роз и положу рядом, и все равно, все равно... И все равно ничего не изменится, и я останусь я, а она – она. Я поняла выражение "другая жизнь" – та, которой у тебя не будет! Хотя завали себя розами.

ОЛЬГА. Это мечта, Ленка. Это мечта, это сказка.

ЛЕНА. Да, да! Мечта, сказка, что угодно, все равно, как это назвать! Я хотела быть актрисой и играть разные роли, и жить разными жизнями, но ведь это – обман! Тебе кажется, что ты – Офелия, кучке людей в зале кажется, что ты – Офелия, кому-то больше, другим меньше, но потом!.. потом, после спектакля, ты ведь – это ты, а не Офелия, опять ты, а Офелия умерла, да что там: не было вообще никакой Офелии, мечта была, сказка – на один вечер! (Задумчиво). Жизнь начинается, жизнь продолжается, жизнь кончается. Как

грустно... А есть столько всего, что далеко, что вообще не твое, в пространстве, во времени. И авокадо... (Грустно улыбаясь). Этот вид диеты – все, что я узнала про авокадо. Не то чтобы больше не смогла узнать: есть ведь книги, справочники, люди какие-то в конце концов Ботанический сад. Но мне стало нужно: знать. Опять – не потому, что интерес пропал, нет, интерес остался, но я подумала: ну, узнаю – и что? Я вспомнила такие слова: камфарное дерево, держи-дерево и другие всякие. Всего нельзя узнать, у человека мало времени, он умирает! Он не успевае прочитать всех книг, прослушать всю музыку, не успевае увидеть все города, страны. Он даже не успевае встретить человека, с которым ему было бы так... так хорошо, как не бывает! И когда мы выходим замуж, у нас нет уверенности, что это и есть *то*, ведь мы же не видели ничего другого. А потом он целовал ее в затылок и руки держал на плечах у нее и отдернул, когда я вошла. А я ведь знала, что он – это и есть ее "любовник", как она его называла в разговорах со мной, я не догадывалась, я знала, я поняла. Но я гнала от себя эту мысль, я не давала ей завладеть собой, я до последнего держалась: до того момента, пока он наше авокадо не стал обсуждать – с ними! И он целовал ее... И авокадо... Я запуталась, Лялька. Я не понимаю, как связано между собою авокадо и то, что он ее целовал. (Думает). Может быть, там, где есть авокадо, не бывает такого?

ОЛЬГА. Какого?

ЛЕНА. Ну, чтобы любовник... (Замечая желание сестры ответить). Нет, не говори ничего! Ты сейчас скажешь, что бывает и там. А мне, может быть, и не это совсем важно. И потом – где? Где – там? В тропиках и субтропиках? Это мечта, сказка. Но это мечта не о тропиках и субтропиках. (Усмехается). И кажется, даже не авокадо. Это совсем-совсем... ну, бесплотная, что ли, мечта: у нее никакой основы нет. Во всяком случае, тут, в жизни то есть – хоть в Москве, хоть в субтропиках – ей ничто не отвечает. Я не знаю, чего хочу, – этого нет, чего я хочу: я вижу, что вокруг меня есть, и среди того, что я вижу, этого нет! А авокадо я не видела никогда и, скорее всего, не хочу увидеть: жалко, если это окажется просто груша, только большая. Поэтому, пока я его не видела, пусть просто будет слово такое – "авокадо". Такой символ счастливой жизни. И можно вложить в это "авокадо" все-все... все, чего у тебя нет, все, чего не хватает, чтобы было – счастье. (Пауза). Я так устала, Ольга. Я так смертельно устала от всего, что *есть* и имеет возможность *быть*, что мне кажется – я такая старая. Мне не двадцать лет, а сто двадцать, двести двадцать!

Долгая пауза.

ОЛЬГА. Давай... знаешь, что – давай сделаем какую-нибудь ерунду, ну... я не знаю – вареники с вишнями, апельсины в шампанском. Или чего там? Ананасы? Ну, что-нибудь, все равно что – давай! (Всклипывает). А то я умру! (Плачет).

ЛЕНА. (обнимая сестру). Все хорошо, Оль. Ты не умирай! Что ж умирать за то, чего нет. Это как-то совсем уж грустно – умирать за то, чего нет. Нас не поймут с тобой: спросят – и чего они умерли, когда не за что было? А нам ведь и ответить нечего, кроме, вот – "авокадо"... И давай это все сделаем, что ты говоришь: вареники с вишнями, апельсины в шампанском. Только апельсинов нет. И шампанского. Но вареники-то уж, во всяком случае, можно! Есть книги кулинарные, там написано, как. Мы прочитаем и сделаем. И Витю с Колькой накормим, когда придут: сделаем сто вареников – будет праздник.

ОЛЬГА. (рыдая). Вите не надо этого! Он хороший, но ему не надо. Кольке, может быть, надо – пока, пока маленький. А подрастет и ему не надо будет. Это тебе только одной – во всей Москве, во всем мире... Ленка, я так люблю тебя, жизнь бы свою отдала за один... за одно авокадо – сейчас, немедленно! Даже за одну восьмую авокадо, за одну сотую!

ЛЕНА. Не надо жизнь, зачем же опять это – жизнь? Ты живи, ты долго-долго живи – и... и счастлива будь, и здорова. И Кольку расти. А вот сейчас... (идет к шкафу, долго ищет, находит поваренную книгу, листает). Так-так... Значит, страница сто сорок девять. (Находит нужную страницу). Теперь слушай меня внимательно: я буду читать смысл нашей жизни. (Читает едва не срывающимся на плач голосом). Для теста: мука – шестьдесят пять, яйцо – одна десятая штуки, соль – один, вода – тридцать. Из муки, яиц и воды замешивают тесто, поют песни и раскатывают пласт толщиной в полтора-два миллиметра. На одну половину пласта кладут рядами вишни, освобожденные от косточек, радостно улыбаются и накрывают второй половиной пласта. Хохоча вырезают вареники специальной формочкой. Умирая со смеху, обрезки теста используют при повторной раскатке. Так... Со смеху они уже умерли, значит, дальше все серьезно. Нет... Готовые вареники укладывают на лотки, посыпанные мукой и пускаются в пляс. Вареники укладывают в кипяток, отваривают и подают с кусочками сливочного масла, под сметаной, после чего... после чего чувствуют себя совершенно счастливыми на всю оставшуюся жизнь. Видишь, как просто? И ужасно весело. Украинское блюдо. А танцуют, наверное, гопак! (Пускается в пляс, размахивая книгой).

Картина 2-я

Лена на кухне в фартуке, одна. Стоит у кухонного стола. Лепит вареники и напевает.

ЛЕНА. Ой, девочка Надя, чего тебе надо? – Ничего не надо, кроме авокадо... (пробует разные интонации, не переставая лепить вареники. Звонит телефон. Лена поднимает трубку и, прижимая ее к плечу, продолжает лепить вареники. В ходе разговора прекращает этим заниматься, снимает фартук и к концу разговора оказывается неуютно сидящей на стуле). Алло? Простите... кого? А-а-а, Колю... Коли, деточка, нет дома, а как ему передать: кто его спрашивает? Лиза... вот как, Лиза. Лиза, Коля с папой гуляют где-то. Да, они приехали недавно. Из Туапсе приехали. Из Туапсе – это город такой южный. Да-да, так и называется: Туапсе. Коля с мамой и папой там отдыхали. Нет... Нет, Лизочка, не знаю: мы же с тобой только что познакомились, как же я могу знать, где ты отдыхала. (Смеется). Ну, хорошо, я спрашиваю тебя: скажи мне, пожалуйста, дорогая Лиза, где ты отдыхала? Как-как? Ах, вот оно что! И как же тебе в Спас-Клепиках – понрави-

Экран и сцена.

